16 9/2

...описаній „СѢЯТЕЛИ ПРАВДЫ“.

Ю. Айхенвальдъ.

...РАДИЩЕВЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СВОБОДНАЯ РОССІЯ“
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ,
ПУШКИНСКІЙ ПЕР. 6.
ТЕЛ. 5-65-80

Серія жизнеописаній „СѢЯТЕЛИ ПРАВДЫ".

16 9/2

Ю. Айхенвальдъ.

РАДИЩЕВЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СВОБОДНАЯ РОССІЯ"
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ,
ПУШЕЧНОВСКІЙ ПЕР. 8.
ТЕЛ. 2-15-80

Гос. Истор.-Научн. Б-ка
Инвент. № 30371
„ 22/I 1936 г.

МОСКВА,
Типографія П. К. Бѣльцова, Чистопрудный проѣздъ, д. 14.
1917 г.

А. Н. Радищевъ.

Александръ Николаевичъ Радищевъ написалъ книгу утешествіе изъ Петербурга въ Москву". Это сочине- прославило его, но оно же едва не стоило писа- ю жизни: Радищевъ былъ осужденъ за него на ертную казнь; помилованный Екатериной II (это слу- лось въ ея царствованіе), онъ былъ сосланъ въ Си- рь, въ Илимскій острогъ, „на десятилѣтнее безысход- е пребываніе". Самъ онъ въ одномъ стихотвореніи, ращенномъ къ „любопытствующему узнать о немъ", ъ говоритъ о себѣ:

Ты хочешь знать, кто я? куда я ѣду?
И тотъ же, что и былъ, и буду весь мой вѣкъ:
Не скотъ, не дерево, не рабъ, но человѣкъ.
Дорогу проложить, гдѣ не бывало слѣду,
Для борзыхъ смѣльчаковъ и въ прозѣ, и въ стихахъ,
Чувствительнымъ сердцамъ и истинѣ я въ страхъ
Въ острогъ Илимскій ѣду.

Это правда: онъ „проложилъ дорогу", онъ первый ь тѣхъ „борзыхъ смѣльчаковъ", которыхъ за смѣлое ово, сказанное обыкновенной ли рѣчью (прозой) или ихами, ссылали далеко-далеко, туда, „гдѣ не бывало ѣду", въ страну лютаго мороза и снѣжныхъ сугро- въ; „чувствительныя сердца и истина", т. е. добрые правду любящіе люди, содрогались передъ этимъ рашнымъ зрѣлищемъ—при видѣ „не скота, не де- ва, не раба, но человѣка", хорошаго и честнаго чело- ка, безвинно ссылаемаго въ Сибирь.

Что же это за книга, такой бѣдой обрушившаяс
умную голову Радищева, и кто былъ этотъ несчас
и благородный „путешественникъ изъ Петербурга
Москву“?

Уроженецъ Саратовской губерніи, сынъ помо
ка, онъ принадлежалъ къ такой дворянской се
которая отличалась любовью къ образованію, усер
читала книги и, главное, хранила добрыя отноше
съ крестьянами. Когда разразился пугачевскій бун
Радищевымъ съ маленькими дѣтьми, въ числѣ
рыхъ былъ и Саша, будущій писатель, пришлось
таться въ лѣсу, крестьяне не выдали ихъ пугачев
Вѣроятно, эти впечатлѣнія дѣтства глубоко запал
душу Александра Николаевича, и вотъ выросъ
него, какъ выразился Пушкинъ, „рабства врагъ“
ступникъ деревни, горячій противникъ позорнаго
постного права. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ, кого од
изъ нашихъ писателей мѣтко прозвалъ „кающим
дворянами“. Дѣйствительно, самъ дворянинъ, Ра
щевъ однако возсталъ противъ дворянскихъ пре
ществъ; ему совѣстно и стыдно было, что помѣщ
какъ своею собственностью, распоряжаются крестьяна
онъ понималъ, что люди равны и человѣкъ не долж
владѣть человѣкомъ. Помимо добраго сердца, кот
обливалось у него кровью отъ царившей кругомъ
правды и жестокости, онъ еще и умъ свой образов
чтеніемъ такихъ книгъ, которыя брали подъ защ
права человѣческой личности и краснорѣчиво
славляли свободу, равенство и братство. У него бы
учитель французъ, воспитавшій его въ духѣ уваже
къ справедливости и свободѣ; въ Москвѣ, гдѣ мо
чикъ Радищевъ получилъ первое образованіе, ему
вали уроки профессора университета; и даже въ П
скомъ корпусѣ, куда поступилъ онъ, когда его,

2 году, перевезли въ Петербургъ, даже въ этой
ястящей военной школѣ для богатыхъ и знатныхъ,
ас все думалъ свою упорную думу о неправдѣ рус-
рй жизни, о страданіяхъ народа, о насиліи властей.
нчательно выработалъ онъ себѣ передовой и сво-
молюбивый образъ мыслей—за границей, въ Лейп-
сеѣ (Германія), куда императрица Екатерина въ 1766 г.
серавила его для научныхъ занятій вмѣстѣ съ дру-
ши способнѣйшими юношами-дворянами. Около пяти
унь прожилъ Радищевъ въ Лейпцигѣ, прилежно
лся въ тамошнемъ университетѣ, очень много чи-
ь, онъ занимался не только науками о государствѣ
зцбщественныхъ отношеніяхъ, но и естествознаніемъ
лледициной, такъ что получился изъ него и недур-
ъ врачъ.

„Большая любознательность, свѣтлый умъ, чуткая
о ла, серьезная и многосторонняя образованность—всѣ
од качества Радищева могли бы сослужить великую
ижбу Россіи, когда онъ вернулся изъ-за границы на
Рину; но, къ несчастью, родина не только не восполь-
ералась талантами одного изъ лучшихъ своихъ сыно-
ц но и, какъ мы уже сказали, едва не казнила его —
на что же! за книгу, за отважное слово, за правду!
ж По возвращеніи въ Россію, Радищевъ поступилъ
от государственную службу, обнаружилъ въ ней боль-
ъ способности, необычныя по тѣмъ временамъ чест-
овть и безкорыстіе,—но въ одну только службу не
лъ душой, а читалъ и писалъ книги, по прежнему
екался наукой и много размышлялъ какъ о чело-
бческой жизни вообще, такъ и, въ отдѣльности, о по-
женіи Россіи. Надо помнить, что именно изъ общаго
мовоззрѣнія, изъ общихъ мыслей о Богѣ, о мірѣ, о
уляхъ, вытекали его гражданскіе убѣжденія и взгляды;
Ла не спеціально одною политикой занимался, онъ
о,

былъ мыслитель, философъ, и очень ему хотѣлъ ч
чтобы его родина начала жить по правдѣ и совѣд
согласно требованіямъ высшаго разума. Между тѣмъ
какой же разумъ и совѣсть, когда царилъ въ Ро
произволъ самодержавія и помѣщиковъ, когда нар
пребывалъ въ темнотѣ и рабствѣ? Противъ этихъ дв
темныхъ силъ, т. е. царскаго самодержавія и крѣп
ного права, и выступилъ Радищевъ со своей кн
„Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", напеча
ной въ 1790 году. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по
ея появленія онъ, по указу Екатерины II, уже сид
въ Петропавловской крѣпости, и дѣло о немъ б
передано на разсмотрѣніе начальника тайной поли
Шешковскаго, жестокаго человѣка, „кнутобойца", к
его называли. Говорятъ, что когда Радищевъ узн
что допрашивать его будетъ Шешковскій, онъ уп
въ обморокъ...

Самодержавіе и рабство потому вызывали горя
негодованіе Александра Николаевича, что, на его
вильный взглядъ, они противорѣчатъ самой приро
человѣка, тому прирожденному, естественному пра
которое есть у каждаго изъ насъ, которое всякій ч
ствуетъ въ своей душѣ. Мы не такъ созданы, чт
жить рабами. Не подобаетъ человѣку быть вещью. Ра
дищевъ на своемъ уже устарѣвшемъ языкѣ (зато мы
его не устарѣли) говоритъ: „самодержавство съ
наипротивнѣйшее человѣческому естеству состоян
На одной изъ самыхъ яркихъ страницъ его „Путе
ствія" мы находимъ картину, изображающую весь т
губительный вредъ, какой приносила Россіи ничѣ
не ограниченная царская власть. Разумѣется, т
или другой царь даже имѣлъ хорошія намѣренія,
лалъ добра своей странѣ,—но все равно: при самодер
вій между самодержцемъ и народомъ поднима

на; безчисленное множество народа, въ трепетѣ и
лчаніи, остается безпомощнымъ и покорнымъ своему
ѣдыкѣ; и такъ какъ „до Бога далеко, до царя вы-
мо“, то до этой высоты и не доходитъ правда, ее отъ
оя скрываютъ царедворцы, и въ государствѣ надо
мъ беретъ верхъ не правда, а кривда. Вокругъ
вя—описываетъ Радищевъ свой вѣщій сонъ, какъ
то приснившійся ему,—раболѣпною толпою стоятъ
приближенные и низко льстятъ ему, осыпаютъ его
валами, приписываютъ ему такіе достоинства и под-
и, какихъ у него и въ поминѣ не было. Только
а женщина изъ пышной царской свиты не приня-
ть участія въ общемъ славословіи: она молчитъ,
рбно вздыхая, и суровое лицо ея выражаетъ него-
аніе и презрѣніе. Платье на ней простое. „Кто это?“—
шиваетъ царь. Ему отвѣчаютъ: это—„странница,
ъ неизвѣстная; она называетъ себя Прямовзорой и
знымъ врачемъ; она всегда нахмурена, всѣхъ пре-
яетъ и поноситъ, не щадитъ, царь, даже и твоей
щенной головы“. И въ это время сама странница,
ровая Прямовзора, строгая Правда, обращается къ
ржавному властелину съ такою, приблизительно,
чью. „Подойди ко мнѣ. Я-врачъ, присланный къ
ѣ и тебѣ подобнымъ, чтобы очистить зрѣніе твое.
.ія бѣльма! . На обоихъ глазахъ твоихъ—бѣльма“.
снимаетъ эти бѣльма съ глазъ царя, и тотъ ви-
ъ предъ собою дѣйствительное положеніе своего
ударства, несчастье своего народа. Оказывается, пре-
ѣть окружаютъ льстецы и лжецы, а тѣ, которые
ьше любятъ отечество, чѣмъ царя, находятся вда-
ѣ. Между тѣмъ, какъ разъ они—истинные друзья
сіи. „Если изъ народной среды явится мужъ, по-
ающій дѣла твои—говоритъ царю Прямовзора—то
дай, что это и есть искренній твой другъ. Чуждый

корысти, онъ громкимъ голосомъ возвѣститъ т
правду; берегись и не смѣй его казнить, какъ бун
щика,—призови его, угости его, какъ странника.
всякій, порицающій царя въ самовластіи его,
странникъ земли, гдѣ все передъ нимъ трепещетъ. В
я дарю тебѣ кольцо изъ терній: надѣнь его,—пу
терновое кольцо пребываетъ хоть на мизинцѣ ца
для того чтобы своей благотворной шероховатостью
удерживало ихъ отъ дѣлъ неправды. Берегись! Ты
ною будешь, если мать восплачетъ о сынѣ свое
убіенномъ на ратномъ полѣ, и жена—о мужѣ свое
ибо опасность порабощенія твоей страны чужимъ
родомъ не такъ велика, чтобы этимъ можно было оп
дывать убійство, называемое войною. Ты виною буде
если запустѣетъ нива, если птенцы земледѣлателя
шатся жизни у тощей отъ голода материнской груд
Надо замѣтить, что Радищевъ былъ вообще враго
войны, надѣялся, что когда-нибудь она исчезнетъ
лица земли и не нужны уже будутъ всѣ эти ратник
солдаты, „точностью воинскаго повиновенія превращ
ные въ безвольныя куклы“. Царь, на время исцѣл
ный отъ своихъ бѣльмъ, на минуту прозрѣвшій, ис
тываетъ такое ощущеніе, будто одежды его, столь б
стящія, покрыты кровью и омочены слезами; ему
жется, что ноги его погружены въ какую то тину;
видитъ теперь, что всѣ его министры и военачальн
только обманывали его и притѣсняли народъ. Въ в
скахъ порядка не было; воины его почитались н
скота, и бо́льшая половина ихъ умирали отъ небре
нія начальниковъ или отъ ненужной строгости“. Го
дарственную казну, нерѣдко омытую кровью и слеза
подданныхъ, безжалостно расхищали. Царскія повел
нія, направленныя ко благу народа, или совсѣмъ
исполнялись, или исполнялись медлительно и искажен

ъ что милосердіе его сдѣлалось предметомъ торговли,
жалость его и великодушіе выпадали на долю тѣхъ,
го давалъ больше". Въ прежнемъ ослѣпленіи своемъ
рь думалъ, что излишки государственныхъ доходовъ
могутъ найти себѣ лучшаго употребленія, чѣмъ вспомо-
ніе нищаго, одѣяніе нагого, прокормленіе алчущаго,
ддержаніе несчастнаго,—между тѣмъ всѣ щедроты,
къ онъ увидѣлъ теперь, изливались „на богатаго, на
теца, на вѣроломнаго друга, на убійцу, на преда-
ля и парушителя общественной довѣренности, на
нщину, кичащуюся своимъ безстыдствомъ". Въ тя-
стномъ сокрушеніи отвернулъ самодержецъ взоръ
ой отъ тысячи бѣдствій, какія развернулись передъ
раскрывшимися глазами...

Понятно, что такой „сонъ", приснившійся Радищеву,
лженъ быть задѣтъ за живое императрицу Екатерину:
могла ей нравиться смѣлость писателя и выраженія
о, въ родѣ того, что „пасутся рабы жезломъ само-
астія" или „въ чьей головѣ можетъ быть больше не-
образностей, если не въ царской?" И кромѣ того, для
катерины Радищевъ служилъ какъ бы живымъ упре-
мъ: вѣдь когда-то и она тоже стояла за равенство и
ободу, сочувственно читала тѣ же свободолюбивыя
иги, по которымъ учился и Радищевъ; но вотъ онъ
тался вѣренъ завѣтамъ и убѣжденіямъ своей моло-
сти, царица же отъ нихъ мало-по-малу отрекалась и,
напуганная событіями разразившейся въ то время
ранцузской революціи, окончательно перемѣнила свои
взгляды. Подданный не измѣнился, не измѣнилъ, ца-
рица же далеко отошла отъ тѣхъ благородныхъ и пере-
выхъ мыслей, которыми она украсила когда-то, въ
началѣ своего царствованія, свой „Наказъ"—руковод-
во для составленія новыхъ законовъ. Царица была
на тронѣ, Радищевъ очутился въ Илимскомъ острогѣ,—

но, можетъ быть, изъ сибирской дали доносилась
ней его безмолвная укоризна и надъ ея престоло
словно рѣяли смущенные и упрекающіе образы
щихъ съ Радищевымъ учителей, какъ и страдальч
скій образъ самого вѣрнаго ученика?..

Самодержавіе было въ Россіи не только на верх
оно какъ бы распылилось, размножилось,—тамъ и здѣ
встрѣчалъ Радищевъ его пагубные слѣды, и въ сво
книгѣ онъ показалъ много примѣровъ вопіющаго б
законія, пріютившагося подъ сѣнью царской влас
онъ „простеръ дерзкую, но мощную и неробкую ру
къ истукану власти, сорвалъ ея личину и покро
обнаружилъ ея составъ", заклеймилъ ее въ лицѣ
радивыхъ и жестокихъ начальниковъ, равнодушны
ко всѣмъ и ко всему, кромѣ собственнаго благопо
чія. И если онъ, человѣкъ вообще мягкій и
строенный къ людямъ привѣтливо и дружелюбно,
ворить о разныхъ властелинахъ, большихъ и малы
очень рѣзко, то это именно потому, что онъ бли
принималъ къ сердцу чужое горе,—„страждущее чел
вѣчество", какъ онъ выражался, страждущее, меж
прочимъ, и отъ злой прихоти всякаго начальства
дищевъ сердитъ оттого, что онъ сердеченъ. И хочет
ему говорить о томъ, что наболѣло на душѣ, - а этого
позволяютъ, не даютъ: есть особое учрежденіе, цензу
безъ разрѣшенія которой не печатаютъ книгъ (са
Радищевъ, впрочемъ, устроилъ такъ, что его книгу в
не читала цензура, эта, по его выраженію, „нянька р
судка.. всего великаго и изящнаго"). Не для красна
словца, а совершенно искренне пишетъ онъ одно
изъ своихъ друзей: „я взглянулъ окрестъ меня,—ду
моя страданіями человѣческими уязвлена стала".

Среди этихъ страданій, которыхъ такъ много бы
на Руси, особенно волновала Радищева невзгода кресть

ская. Самъ представитель помѣщичьей среды, онъ безкорыстно ополчился противъ крѣпостничества, онъ заступился за крестьянина. И въ его книгѣ развертывается ужасное зрѣлище рабства; понуривъ голову, проходитъ передъ нами, въ бѣдности и униженіи, русскій земледѣлецъ. Для себя онъ пашетъ по воскресеньямъ, ночью и въ праздники, потому что во всѣ остальные дни недѣли отбываетъ тяжелую барщину для помѣщика, у котораго „сто рукъ для одного рта“, между тѣмъ какъ у встрѣтившагося Радищеву крестьянина—„двѣ руки для семи ртовъ“. Жестокій владѣлецъ крестьянскихъ душъ и тѣлъ помыкаетъ своими рабами, совершенно не помня объ ихъ человѣческомъ достоинствѣ. Законъ крестьянина не защищаетъ, съ нимъ не считается: „крестьянинъ въ законѣ мертвъ“. А вѣдь „человѣкъ родится въ міръ равенъ во всемъ другому. Всѣ одинаковые имѣемъ члены, всѣ имѣемъ разумъ и волю“. Крестьянинъ ничѣмъ не хуже дворянина; между тѣмъ судьба его въ Россіи плачевна, и сплошь да рядомъ его бьютъ, сѣкутъ, издѣваются надъ нимъ, безчестятъ его жену и дочерей, продаютъ его какъ вещь, и помѣщику совѣсть позволяетъ, ради выгоды, продать свою кормилицу, своего стараго дядьку, вѣрнаго и самоотверженнаго слугу. На одномъ позорномъ аукціонѣ видѣлъ Радищевъ, какъ продавали съ публичнаго торга недвижимое имущество нѣкоего капитана—домъ и при немъ, между прочимъ – „шесть душъ мужескаго и женскаго полу“. Среди этихъ душъ былъ 75-лѣтній старикъ; опершись на дубинку, печально думалъ онъ, угадывалъ, кому на закатѣ жизни отдастъ его судьба, кто закроетъ ему старые глаза. „Съ отцомъ господина своего, который теперь его продаетъ, былъ онъ въ Крымскомъ походѣ; въ одномъ сраженіи онъ раненаго своего господина унесъ на плечахъ изъ строю. Возвратясь домой, былъ

дядькою своего молодого барина. Въ младенчествѣ он спасъ его отъ утопленія, бросясь за нимъ въ рѣку куда тотъ упалъ, переѣзжая на паромѣ, и съ опас ностью своей жизни спасъ его. Въ юношествѣ выку пилъ его изъ тюрьмы, куда посаженъ былъ за долги". „Вольные люди, ни въ чемъ не виноватые, въ оковахъ продаются какъ скоты!" И тотъ, кто кормитъ и поитъ насъ, кто поэтому долженъ бы быть особенно счастливъ и свободенъ,—какъ разъ онъ, русскій пахарь, нахо дится въ путахъ крѣпостничества. „Земледѣлецъ!— восклицаетъ Радищевъ—кормилецъ нашей худобы, на ситель нашего голода! онъ даетъ намъ здоровье, онъ жизнь нашу продолжаетъ,—и однако онъ не имѣетъ права распоряжаться ни тѣмъ, что обрабатываетъ, ни тѣмъ, что производитъ. Развѣ ближайшее право на ниву не имѣетъ тотъ, кто воздѣлываетъ ее? Развѣ не тотъ долженъ владѣть ею, кто въ силахъ ее обрабо тать?"

Такъ Радищевъ задолго до нашихъ временъ, задол го до того, какъ былъ провозглашенъ кличъ „земля и воля!",—Радищевъ, защитникъ труда и тружениковъ, училъ, что земля должна принадлежать земледѣльцу. И этимъ онъ, до 19 февраля 1861 года, какъ бы пре дупреждалъ, что освобожденіе крестьянъ должно про изойти—съ землею: не только воля, но и земля, — все тотъ же кличъ: „земля и воля!".. Не будетъ счастья въ Россіи, говорилъ нашъ сердечный писатель, до тѣхъ поръ, пока не будетъ свободенъ и доволенъ крестья нинъ. Какъ впослѣдствіи Некрасовъ писалъ въ своихъ стихахъ, что ему „впрокъ нейдетъ хлѣбъ полей, воз дѣланныхъ рабами", такъ и Радищеву тягостно было ѣсть хлѣбъ, выпеченный изъ зерна, „лежавшаго въ житницѣ дворянской": на немъ, на этомъ кускѣ хлѣба, „почили скорбь и отчаяніе; на немъ сказалось прокля-

тіе Всевышняго, когда Онъ во гнѣвѣ своемъ произнесъ: проклята земля въ дѣлахъ своихъ; берегитесь, чтобы эта пища не отравила васъ горечью той горькой крестьянской слезы, которая возлежитъ на ней!"

Если крестьянинъ получитъ высшее образованіе, то и это не спасетъ его отъ униженій,—напротивъ, только усилитъ ихъ, какъ это случилось съ юношей Ваней, о которомъ разсказалъ намъ Радищевъ и который восклицаетъ: „лучше бы мнѣ было возрости въ невѣжествѣ и никогда не узнать, что я—человѣкъ, всѣмъ другимъ равный". Какъ ужасно въ самомъ дѣлѣ положеніе человѣка, обученнаго наукамъ, но оставленнаго въ рабствѣ!..

Въ одной избѣ Радищевъ пилъ кофе Увидѣвъ сахаръ, мѣсившая квашню хозяйка подослала къ барину своего мальчика попросить кусочекъ этого „боярскаго кушанья". „Почему—боярское? сказалъ я ей, давая ребенку остатокъ моего сахару; развѣ и ты употреблять его не можешь?—Потому и боярское, что намъ купить его не на что, а бояре его употребляютъ для того, что не сами достаютъ деньги. Правда, что и бурмистръ нашъ, когда ѣдетъ въ Москву, то его покупаетъ, но тоже покупаетъ его на наши слезы.—Развѣ ты думаешь, что тотъ, кто употребляетъ сахаръ, заставляетъ васъ плакать?—Да, отвѣтила крестьянка, развѣ не слезы крестьянъ ты пьешь, коль скоро намъ приходится ѣсть вотъ какой хлѣбъ?"—и она показала хлѣбъ, состоявшій изъ трехъ четвертей мякины и одной части несѣянной муки. „Да и то слава Богу, при нынѣшнихъ неурожаяхъ", прибавила она; „у многихъ сосѣдей нашихъ и того хуже". И въ первый разъ, съ болью и жалостью, присмотрѣлся нашъ путешественникъ ко всей утвари крестьянской избы,—„въ первый разъ обратилъ сердце къ тому, что доселѣ на немъ скользило". „Четыре стѣны, до по-

ловины покрытыя, какъ и весь потолокъ, сажею; пол
въ щеляхъ, на вершокъ, по крайней мѣрѣ, поросш
грязью; печь безъ трубы.. дымъ, всякое утро наполня
ющій избу; окна затянуты пузыремъ, такъ скупо про
пускающимъ свѣтъ, что самый полдень кажется су
мерками; два или три горшка (счастлива изба, если в
одномъ изъ нихъ всякій день есть пустыя щи!). Ко
рыто для свиней если онѣ есть, и тогда спятъ вмѣ
стѣ съ ними, глотая воздухъ, въ которомъ горящая
свѣча кажется будто въ туманѣ или за завѣсою; поскон
ная рубаха, обувь, данная природою, онучки съ лап
тями для выхода.“ И Радищевъ обращается къ помѣ
щикамъ съ этимъ страстнымъ призывомъ: „Звѣри алч
ные, піявицы ненасытныя, что мы крестьянину остав
ляемъ? то, чего отнять не можемъ,—воздухъ. Отымаем
нерѣдко у него не только даръ земли—хлѣбъ и воду
но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отымать у кре
стьянина жизнь,—но развѣ мгновенно, а сколько спо
собовъ отымать ее у него постепенно! Съ одной сторо
ны—почти всесиліе, съ другой—немощь беззащитная..
Вотъ жребій вола въ ярмѣ!“

По всей книгѣ заступника народнаго, сѣятеля правды
много разсыпано такихъ пламенныхъ рѣчей, защищаю
щихъ свободу и благополучіе крестьянина, ограждаю
щихъ его отъ произвола и жестокосердія, проникну
тыхъ вѣрой въ будущую свободную Россію. Но самому
Радищеву не суждено было увидѣть свою родину сво
бодной. Какъ и многіе, многіе изъ лучшихъ русскихъ
борцовъ за меньшую братію, онъ до свѣтлыхъ дней не
дожилъ, и выпали на его долю дни только черные.
Онъ проводилъ ихъ въ ссылкѣ, въ снѣжной Си
бири, онъ только мечталъ о желанной свободѣ, о свѣт
лой вольности:

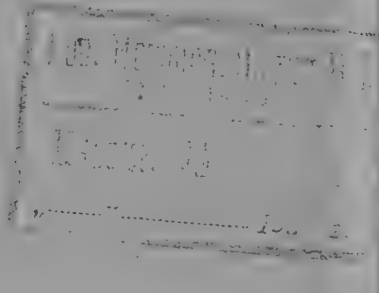
О, даръ небесъ благословенный,
Источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ;
О, вольность, вольность, даръ безцѣнный!
Позволь, чтобъ рабъ тебя воспѣлъ.

Въ Сибири А. Н. Радищевъ не палъ все-таки ду-
мъ; изучалъ ея природу, много читалъ, написалъ
сколько сочиненій, пользовался своими свѣдѣніями
медицинѣ, чтобы лѣчить жителей Илимска, очень
тересовался событіями французской революціи. При
ераторѣ Павлѣ ему разрѣшили вернуться на
дину и жить въ деревнѣ, подъ надзоромъ губерна-
ра. Въ 1797 году онъ поселился въ своемъ имѣніи,
въ Нѣмцевѣ, Калужской губерніи. Хотя ему тогда
было еще и 50 лѣтъ (онъ родился въ 1749 году),
ссылка такъ надорвала его силы, что недаромъ пи-
лъ онъ о себѣ: „взглянувъ на меня, всякъ можетъ ска-
ть, колико старость предварила мои лѣта". Оконча-
льно прощенъ былъ (за какую вину?..) Радищевъ
ько при восшествіи на престолъ Александра I. Онъ
реселился въ Петербургъ и вскорѣ, какъ человѣкъ
разованный и даровитый, былъ назначенъ членомъ
миссіи составленія законовъ. Такъ какъ въ новой
ятельности своей онъ проявилъ ту же не заглушен-
ю Сибирью любовь къ свободѣ и народу и, напри-
ръ, въ одной своей служебной запискѣ возставалъ
отивъ того, чтобы жизнь убитыхъ крестьянъ оцѣни-
лась на деньги; такъ какъ, значитъ, онъ отъ завѣт-
хъ убѣжденій своей молодости не отрекся, то этимъ
вызвалъ опять неблагосклонное отношеніе къ се-
начальства. И Пушкинъ разсказываетъ намъ, что
нажды графъ Завадовскій „удивился молодости его
динъ" и съ дружескимъ упрекомъ сказалъ ему: „Эхъ,
лександръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по

прежнему! иль мало тебѣ было Сибири?"... „Въ з
словахъ—говоритъ Пушкинъ Радищевъ увидѣлъ
зу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился д
вспомнилъ о другѣ своей молодости, объ лейпцигс
студентѣ, подавшемъ ему нѣкогда первую мысль
моубійствѣ,—и отравился". Это было 12 сентября
года.

Такъ кончилъ свои тяжелые дни добрый и кр
человѣкъ, мирный человѣколюбецъ, въ условіяхъ
ской дѣйствительности ставшій борцомъ за сво
Россіи и поплатившійся за это личной свободой и
достями личной жизни. Изнеможенный ссылкой,
битый, онъ добровольно ушелъ изъ міра. Не бу
его осуждать за то, что онъ ушелъ. Вѣдь онъ
усталъ, бѣдный путешественникъ, искатель правды
щитникъ народа, другъ русскаго крестьянина, осы
ный неправдой самовластья, подкошенный Сиби
Не будемъ его осуждать, а пожалѣемъ его и бл
дарно склонимся передъ его памятью и прочтемъ
незабвенную книгу, въ которой до сихъ поръ т
слышится біеніе его прекраснаго сердца.

Ю. Айхенвалд



Цѣна 25 коп.

СЕРІЯ ЖИЗНЕОПИСАНІЙ

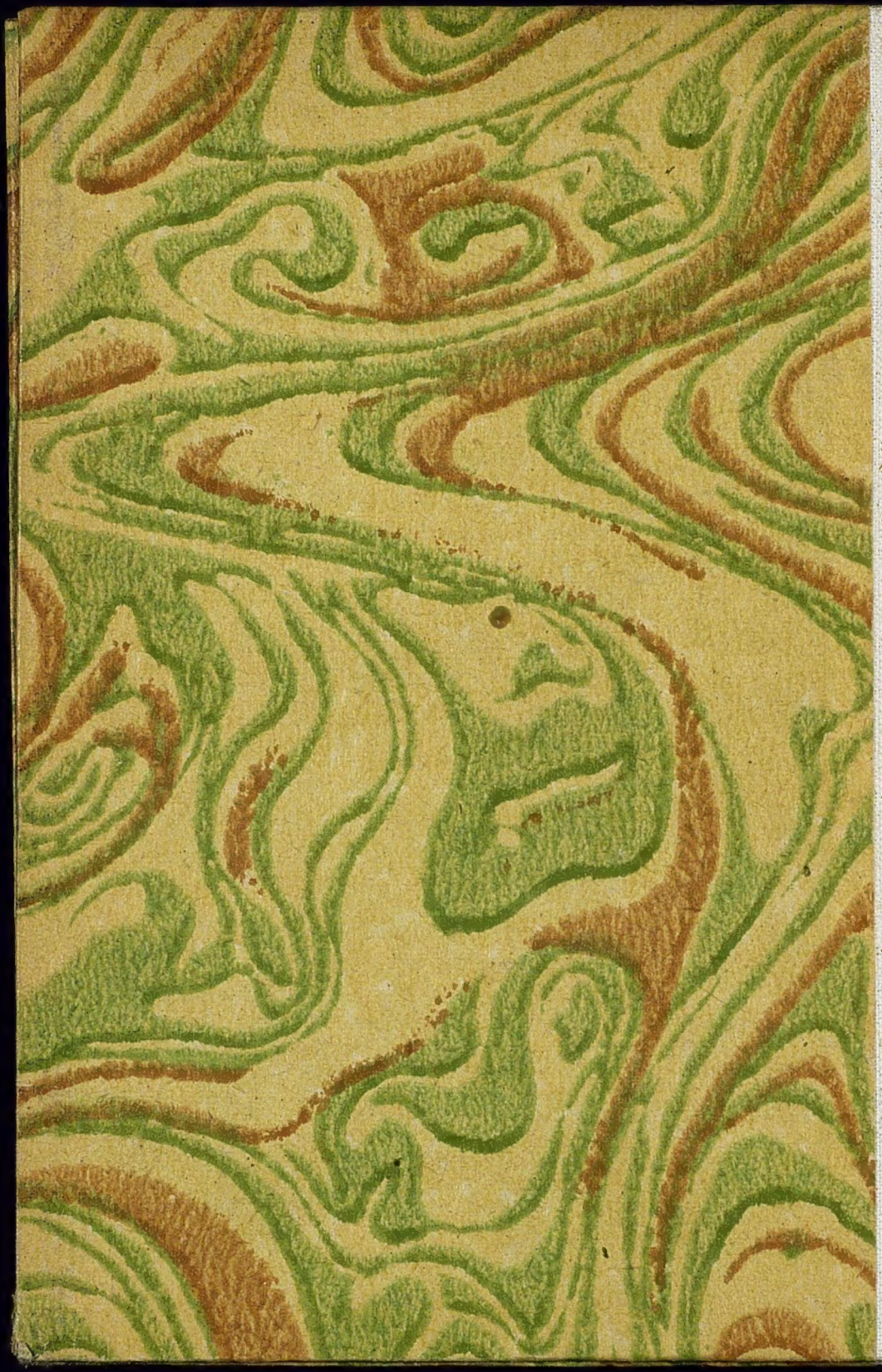
„СѢЯТЕЛИ ПРАВДЫ".

Ю. АЙХЕНВАЛЬДЪ **Радищевъ**. . . . ц. 25 к
ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. **Пушкинъ**. . . . ц 25 „
И. Н. ИГНАТОВЪ. **Тургеневъ** . . . . ц. 25 „
Н. П. СИДОРОВЪ. **Новиковъ** . . . . ц. 25 „
Н. П. ГУБСКІЙ **Достоевскій** . . . . ц 25 „
Вл. ЛАДЫЖЕНСКІЙ. **Лермонтовъ** . . . ц 25 „
Мих. ГАЛЬПЕРИНЪ **Шевченко**. . . . ц. 25 „
В. Г. САХНОВСКІЙ. **Островскій** . . . ц 25 „
Ю. АЙХЕНВАЛЬДЪ **Рылѣевъ** . . . . ц. 25 „
В. А. РОЗЕНБЕРГЪ **Салтыковъ-Щедринъ**. ц. 25 „
Ю. АЙХЕНВАЛЬДЪ. **Некрасовъ** . . . ц. 25 „
Ю. АЙХЕНВАЛЬДЪ. **Гѣбъ Успенскій**. . ц. 25 „
Б. М. СОКОЛОВЪ. **Кольцовъ** . . . . ц. 25 „
Ю. М. СОКОЛОВЪ. **Хомяковъ** . . . . ц. 25 „
Прив.-Доц. Н. С. АРСЕНЬЕВЪ. **Князь С. Н. Трубецкой** . . . . . ц. 25 „

Выписывать изъ книгоиздательства

„Свободная Россія".

МОСКВА, Тверская, Пименовскій пер.

Оптовымъ покупателямъ, земствамъ, учебнымъ з веденіямъ и общественнымъ и военнымъ организ ціямъ скидка.

Заказы исполняются по полученіи задатк